

перед ним множество новых задач и вопросов. Одни из этих вопросов автор формулирует в явном виде как проблемы, которые по тем или иным причинам не рассматриваются в соответствующей его работе и еще ждут своего решения (см. хотя бы с. 112, 233, 235, 242—243, 268, 292 и др.). К другим вопросам читателя имплицитно подводит ход логических рассуждений автора, а также используемые в них постулаты и гипотезы. Так, в связи с рассмотрением на с. 69 понятия групповой флексии возникает вопрос о месте этого понятия с точки зрения противопоставления морфологии и синтаксиса. Описание категорий иерархичности заставляет задуматься над тем, имеют ли эти категории словоизменяющую, словообразовательную или иную природу. Ряд интересных проблем ставит мысль А. А. Холодовича о зависимости порядка порождения сложных словосочетаний от их речевого контекста (см. с. 250—252, особенно примеч. на с. 251) и т. д. Такая «открытость», свойственная трудам А. А. Холодовича, обращенность их в будущее, ориентация при рассмотрении каждого вопроса на более широкую перспективу придает его книге особую ценность и актуальность.

Мы ничего не говорили до сих пор о недостатках рецензируемой книги — не говорили потому, что недостатков как таковых в составляющих ее работах очень немного. Разумеется, в них есть отдельные опечатки; есть и смысловые неточности (например, на с. 271 в строках 10—13, 26—28 явно переставлены местами слова *первый* и *второй*, что может навести читателя на ложные ассоциации). Однако подобные неточности, повторяем, немногочисленны и практически не мешают восприятию мысли автора, поскольку могут быть легко обнаружены и скорректированы по контексту.

В отношении же содержательной стороны представленных в сборнике работ

следует говорить скорее не о недостатках, а о дискуссионности некоторых из предлагаемых в них решений тех или иных лингвистических проблем (тем более, что автор обращается, как правило, к наиболее сложным и наименее изученным из таких проблем) или о возможности альтернативных трактовок отдельных языковых фактов. Более серьезные претензии можно предъявить, пожалуй, только к главе «Суперлексемы» (с. 28—54) монографии «Глагол в современном японском языке», где дано около 250 пар японских глаголов, связанных между собой, по утверждению автора, регулярным смысловым отношением каузации (с. 28): для целого ряда из перечисленных пар и регулярность, и каузативность смысловых отношений между их членами вызывает большие сомнения. Представляется, однако, что здесь, как и в случае некоторых других погрешностей в содержании и логике изложения указанной монографии, основную роль сыграло то, что автор не успел сам завершить эту работу и провести ее окончательную редакцию. Будь у него такая возможность, большинство из имеющихся неточностей были бы скорее всего устранены, а список суперлексем уточнен.

Завершая свою рецензию, мы должны еще раз подчеркнуть, что она отнюдь не претендует на сколько-нибудь глубокий анализ сборника: такой анализ требовал бы гораздо более тщательного и всестороннего изучения содержащихся в нем работ с учетом всего научного наследия автора. Думается, однако, что в рамках настоящего обзора это и не является необходимым. Полное представление о рассмотренных нами работах читатель может получить, обратившись непосредственно к книге А. А. Холодовича, — книге, которая, безусловно, войдет в золотой фонд советского языковедения.

Шалапина З. М.

Рассадин В. Н. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1978. 288 с.

Настоящая монография является продолжением работы автора над систематическим и исчерпывающим описанием языка одного из самых малочисленных тюркоязычных народов — тофаларов (тофов), проживающих на Саянах. Книга непосредственно связана с изданным ранее содержательным трудом «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Улан-Удэ, 1971) [см. 1]. Следует сразу отметить, что в монографии представлен исключительно ценный для общей тюркологии и алтаистики языковой материал, который получает интерпретацию на основе тради-

ционных грамматических представлений отечественной тюркологии. Однако нужно признать, что ряд грамматических явлений трактуется автором с новых, оригинальных позиций. Например, интересно подана категория числа у имени существительного, по-новому описаны формы вида и индикатива у глаголов, степени сравнения имен прилагательных, разряды местоимений и др. Такая интерпретация фактов воспринимается органично. С другой стороны, новое толкование обращает внимание на не решенные до сих пор спорные вопросы тради-

ционной тюркской грамматики, а свежий языковой материал обостряет восприятие этих проблем.

В отличие от предшествующей книги, автор применяет здесь транскрипцию на базе русской графики с использованием нескольких дополнительных знаков. В. И. Рассадин фактически разработал основы тофаларской письменности, поскольку этот язык бесписьменный. Здесь отдано предпочтение фонетическому принципу с элементами морфологического. В трудном вопросе орфографирования сильных и слабых согласных в разных позициях (особенно в аплауте) автор пошел по фонетическому принципу: обозначать их так, как они произносятся. Различие между сильным и слабым глухим на письме проявляется в том, что сильные всегда сопровождаются фарингализованными гласными, которые последовательно обозначаются постановкой *ъ* (*аът* «лошадь», *кыънар* «будет гореть», *четъпаън* «не достиг», *таък* «быстро»). Способ изображения тофаларских звуков, предложенный В. И. Рассадиным, четок, прост (этому посвящен специальный раздел Введения). Здесь только можно пожалеть, что соответствие — «звук — буква» не представлено в обобщающей таблице.

В упомянутом Введении имеется также краткое, но насыщенное изложение истории исследования тофаларского языка, его морфологии. Верен вывод автора о том, что несмотря на сделанное в тюркологии, отсутствует широкое описание всей морфологии и системы словообразования. Восполнением этого пробела и служит настоящая монография. Вопрос о составе и группировке частей речи в тофаларском языке решается в традиционном плане. Автор выделяет значительные части речи (слова-названия: имя существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие, категория состояния, изобразительные слова и указательные слова — местоимения), служебные части речи (послоги, союзы, частицы), модальные слова, междометия. Дальнейшее рассмотрение морфологических категорий и процессов словообразования проводится в работе в данной последовательности. В каждой из глав о частях речи имеется описание словообразования данной части речи. Оно представляет очень полно как синтетические, так и аналитические способы словопроизводства. Специально выделены непродуктивные средства, что необычайно важно для исторической грамматики. Успешной разработкой этих разделов способствует, несомненно, то обстоятельство, что исследователь в свое время детально изучил и описал лексику тофаларского языка, выявил состав непроизводных слов, проработал много текстовых материалов.

Хочется также отметить разделы, где имеется сопоставление отдельных явлений тофаларской грамматики с другими тюркскими языками. Автор показывает

здесь своеобразие языка, его общетюркские и региональные связи. На этой основе предлагаются в некоторых случаях новые этимологии форм тофаларского языка, которые в большинстве случаев представляются убедительными, верно вскрывают пути формирования показателей, их семантические филиации.

У имени существительного автор выделяет грамматическую категорию числа, принадлежности, сказуемости, склонения, определенности — неопределенности. Отметив, что имя в тофаларском языке «без показателя числа не содержится в себе указаний на число» (с. 17), В. И. Рассадин далее указывает, какими средствами выражается в языке количественная характеристика в случаях реализации разных смысловых типов множественности и единичности (их названо шесть: индифференция, собирательная, неопределенная, определенная, соотносительная и единичность). Здесь участвуют лексические и разные грамматические средства (основосложение, аффиксация, служебные слова, некоторые словосочетания). Такая трактовка числа позволяет автору описать целую систему средств количественной актуализации имени и не замкнуться на характеристике лишь одной морфемы *-лар*, которой и ограничиваются обычно в тюркских грамматиках. Подробно рассмотрена представленная восьмью падежами категория склонения, которая «являет собой общетюркский тип, характерный для северных тюркских языков» (с. 51), но с наличием ряда архаичных черт. К последним автор относит сохранение в «пережиточном состоянии» древних падежей: директива (*-каары*), инструменталиса (*-ын*), локатива (*-ра*), экватива (*-ша*). Относительно последних, видимо, точнее говорить не о «пережиточном состоянии», а о том, что в тофаларском языке, по сравнению с другими, представлено большее количество непродуктивных образований (обычно наречий) с этими показателями. В парадигму включены помимо шести общетюркских редкий в языках партитивный (частный) падеж на *-да/-та* и продольный падеж (просекутив) на *-ша/-ше* (*срукша* «по дороге», *изинше* «по его следу»), представленный также в хакасском, алтайском, шорском и чумском языках. Доводы в пользу включения¹ их в парадигму и объяснение их семантического развития представляются нам убедительными. Среди других тофаларский язык выделяет широкое использование так называемого основного падежа в функции прямого дополнения, в этой форме выступают даже имя с аффиксом принадлежности 1 и 2 лица обоих чисел (*сен атың багладың* «ты привязал своего коня»). В силу этого оказывается весьма ограниченной сфера употребления винительного падежа, он оформляет только определенный объект (с. 36—37).¹

В данном разделе вызывает возражение толкование падежа как формы имени, определяемой исключительно синтакси-

ческими отношениями слов в предложении. Для тюркских языков с их высокой содержательностью аффиксов вообще, в том числе и падежных, такое определение представляется очень узким. И не случайно, что автор противоречит себе же, когда описывает значения отдельных падежей, ср.: «исходный падеж выражает точку, от которой начинается действие...» (с. 39); местно-временной падеж указывает «местонахождение предмета» и «время совершения действия» (с. 39) и т. п. Синтаксические функции тюркских падежей, видимо, следует считать вторичными по отношению к их первичным, содержательным функциям обозначения разных участников ситуации. Даже в таком традиционно считаемом грамматическом падеже, как родительный, его содержательная функция обозначения конкретного обладателя совершенно однозначно проявляется в случаях предикативного использования, представленных в тофаларском языке: *бо аѣт ол кишиниң* «этот конь того человека» [ср. 2]. Таким же узким кажется и утверждение, что падеж — это чистая «привилегия» имени существительного. В тюркских языках и в том же тофаларском, по данным автора, склоняются и другие части речи — местоимения, числительные, в глаголе — причастия, могут принимать падежные показатели и деепричастия. Вряд ли есть доказательство того, что они каждый раз конверсируют в имена существительные.

В тюркологии ставится вопрос, может ли слово *бір* «некий, некто» < «один» быть специальным показателем категории неопределенности. Тофаларский язык иллюстрирует такую возможность, ибо в нем *бір* выступает как раз выразителем неопределенности (*бір киши келген* «кто-то пришел»), а «один» передается словом *бирээ* < **birägü*, ставшим единственной формой количественного числительного: *он бирээ* «двенадцать», *аң бирээ шураан* «зверь прыгнул один раз» (см. с. 51—52, 111, 113, 118, 128).

В разделе о словообразовании имен существительных следует подчеркнуть внимание автора к развитости лексикализации отдельных морфологических форм и словосочетаний в тофаларском языке. Этот язык, располагая в целом общетюркской системой средств словообразования, выделяется различной их продуктивностью и сочетательной способностью, и автор последовательно фиксирует эти особенности (см. афф.: -*лышкы*, -*лык*, -*ашшкы*, -*гыш*, -*кы*, -*ң*, -*бы*, -*пышааңга*). Раздел о словообразовании также интересно подан и в главе об имени прилагательном. Автор указывает, что тофаларский язык занимает особое место в своем регионе, характеризуясь «более полным и чистым сохранением» архаичных аффиксов типа -*лүү*, -*лѣүү*, -*сүү*. В. И. Рассадин отмечает одну особенность этого языка — отсутствие «четко выраженного синкретизма прилагательных и наречий, как это принято в других тюркских язы-

ках» (с. 84), — здесь слово «в обстоятельной функции обязательно получит грамматический показатель, выражающий адвербиальность», ср.: *эки оол эккиди өөрөңиң туру* «хороший мальчик хорошо учится» (с. 84). В этой главе привлекает также описание грамматической категории прилагательных — степени сравнения (с. 86—97).

Тофаларский язык сохранил, как и сарыг-югурский, архаичную систему образования названий десятков (*дөртөн* «сорок», *чедон* «семьдесят» и т. п.). Формирование других разрядов числительных происходило в тюркских языках по-разному, и тофаларский язык отразил, как показал автор, эти разные тенденции, обликаясь то с другими языками саяно-алтайского ареала, то с якутским, то являя общетюркский тип. Представляется, что В. И. Рассадин правильно раскрывает структуру аффиксов порядковых числительных -(ы)*шкы* ~ -(ы)*шкыи*, когда первую часть — *ш* возводит к -*нѣ* (> -*нѣ* > >-*š* > -*s*, как в якутском) + афф. относительного прилагат. -*ки*, поэтому этимологию -*шкы* из переразложения *паш-кы* > > *паш-кы* «первый» нужно, видимо, отверсти [ср. 3].

Глава о глаголе является в книге самой обширной (с. 131—243). Все глаголы автор распределяет фактически на две большие группы: глаголы действия-состояния (переходные и непереходные), к ним примыкают глаголы речи, другая группа — изобразительные глаголы — включает образные и звукоподражательные глаголы. Каждая из них характеризуется своеобразием морфологических форм (особенно «видовых»). Залог трактуется автором как категория, выражающая формами глагола разные типы отношений между членами предложения и реальными «участниками» описываемой ситуации (с. 132). Включив в это определение положение о соотношении между единицами двух планов — содержательного, семантического уровня и грамматического (члены предложения), автор, однако, при описании конкретных залогов (например, возвратного, совместного) не всегда учитывает эту принятую им двойственную трактовку залога и тем самым возвращается на традиционные тюркологические позиции, с которых содержательные и формально-синтаксические отношения рассматриваются на одном уровне.

Тофаларский язык принадлежит к тем редким тюркским языкам, где присутствует как живое образование понудительный залог (каузатив) с пермиссивным значением: *оң машинга чжуурткан* «он задален машиной». В. И. Рассадин пишет, что такие конструкции в языке очень распространены (с. 38, 138). В грамматике, к сожалению, описана лишь синтаксическая структура этих предложений, но не дан семантический анализ имен, выступающих в функции агенса, и глаголов, способных образовывать такие структуры (всегда ли они обозначаю

нежелательные, негативные действия?).

В главе подробно описаны формы, выражающие характер протекания действия (с. 144—164). Автор опирается в трактовке этих форм на предложенное Б. А. Серебрянниковым разграничение видов и видовых классов по уровню их грамматикализованности — объему и универсальности охвата глагольной лексики. Основываясь на этом, В. И. Рассадин констатирует наличие в тофаларском языке «двух формально сложных и универсальных видов — завершенного и незавершенного, представляющих собой чисто формообразовательную категорию. Наряду с этими видами существуют разнообразные синтетические и аналитические видовые формы, ...выражающие характер протекания действия» (с. 148). Виды присущи только глаголам действия — состояния. Таким образом, в описываемом языке важно прежде всего различение завершенных и незавершенных действий. Эта схема совпадает в общих чертах со схемой, предложенной для тувинского языка [см. 4]. Уровень грамматикализованности форманта (его «универсальность», «максимальная тотальность распространения» — с. 147), т. е., видимо, безотносительность к семантике глагола, надо думать, величина весьма условная и, как нам кажется, в данном случае во многом субъективная (статистической обработки материала не было). Следует учесть хотя бы, что «виды» характерны лишь для глаголов действия-состояния, т. е. уже ограниченной группы слов, они осложняются иными значениями (*-ыыт* — «интенсивная законченность», *-а бер-* — «исчерпанность начального этапа действия» и др.) и этим мало отличаются от других «видовых форм». Универсальность, тотальность и частотность — различные понятия, последняя может оказаться очень высокой, но она не говорит об универсальности форманта. «Виды» и «видовые формы» для тофаларского языка, как и для других тюркских языков, не являются обязательной грамматической категорией глагола, их употребление определяется коммуникативной необходимостью, поэтому критерий тотальности спорен вообще.

Тофаларский язык обладает развитой системой неличных форм глагола. В нем необычайно широко употребляется деепричастие на *-а* для оформления одновременного действия, сохраняются также формы на *-ы* и *-у*, исчезнувшие в других языках.

В. И. Рассадин не выделяет изъявительногоклонения как специального обозначения реальности действия, а признает только категорию времени, которая обозначает реальное, с точки зрения говорящего лица, действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему» (с. 200), но не поднимает вопрос о нулевом показателе наклонения [ср. 5]. При таком рассмотрении указанные формы занимают соответствующее место в ряду других аналогичных явлений тюркской

грамматики — так называемых основном падеже, основном залоге, нейтральном виде, нейтральной степени сравнения и т. п., что, на наш взгляд, вполне закономерно. Автор описывает в тофаларском языке шесть наклонений: повелительное, желательное, опасительное, условное, уступительное и сослагательное.

В. И. Рассадин выделяет категорию состояния, относя к ней слова, выступающие в роли сказуемых безличных предложений. Здесь часто используется форма со специальным аффиксом *-(ны)чжыг* или *-чжыг*: *оолга ыглансаньчжыг* «мальчику охота плакать», *уйдудуньчжыг* «скучно».

Местоимения классифицируются по схеме, предлагавшейся для монгольских языков В. М. Надеяевым, т. е. делятся на субстантивные, адъективные, нумеральные, адverbиальные, вербальные. Особенностью языка является широкое использование вербальных местоимений *каньчж-* «как поступить», *чоон-* «что делать», *ынчжыг-* «так поступать» и др.

Сравнительный анализ морфологии позволяет подтвердить сделанный автором вывод о самостоятельном положении тофаларского языка среди языков сибирского региона: при наличии «множества» объединяющих их все вместе черт этот язык проявляет свои особенности, сближаясь то с одним из сибирских языков, то с несколькими, иногда даже проявляя общность с якутским языком. Вместе с тем все эти языки отличает известная архаичность черт, отдельные из которых сопоставимы с древнетюркскими — особенностями языка орхон-енисейских и древнеуйгурских памятников. Весь этот комплекс свидетельствует, видимо, о древних и устойчивых связях языков данного региона и их продолжительных контактах с древними тюркскими языками. Нельзя забывать также, что все эти языки много контактировали — о чем говорят многочисленные следы — и с монгольскими языками. Поэтому раскрытие путей формирования языков сибирско-алтайского ареала — одна из сложных проблем современной тюркологии.

В. И. Рассадин последовательно осуществляет свой замысел полного описания языка тофов. Тюркологи ждут обещанный словарь на 15 тыс. слов и на следующем этапе — описание синтаксиса этого интересного и ценного для сравнительно-исторической тюркологии языка.

Летягина Н. И., Насилов Д. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летягина Н. И., Насилов Д. М. — ВЯ, 1973, № 3. — Рец. на кн.: Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
2. Гусев В. Г. Староосманский язык. М., 1979, с. 42.
3. Шербак А. М. Очерки сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л., 1977, с. 151.

4. *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961, с. 407—416.
5. *Володин А. П., Храковский В. С.*

Об основах выделения грамматических категорий. — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977, с. 42—54.

Га́рипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. — М.: Наука, 1979. 304 с.

Создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков — одной из важнейших задач современной тюркологии — подготавливается усилиями многих тюркологов, работающих в области сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного изучения указанных языков. Эти исследования разветвляются в разных направлениях: сравнительно-историческое изучение крупных подсистем языка, охватывающее все тюркские языки; глобальное сопоставление всех подсистем в рамках отдельных ареалов; монографическое описание отдельного языка на фоне общетюркских сопоставлений; изучение отдельных явлений языка в сравнительно-историческом освещении (наиболее распространенный тип работ) и, наконец, тотальное сопоставление двух близкородственных языков, образующих своего рода микроареал или одну из конечных подгрупп в генетической классификации тюркских языков. Исследований последнего типа в тюркологии практически нет. Первым опытом такой работы выступает рецензируемая книга Т. М. Гарипова.

Несмотря на достаточную изученность татарского и башкирского языков каждого в отдельности, в сравнительно-исторической тюркологии еще не дан ответ на вопрос о причинах их обособления из той подобности, которую принято называть кыпчакской, а также еще не раскрыта степень их структурной близости, обусловленной либо генетическими факторами, либо конвергенцией несходного материала. Рассмотрение указанных проблем и составляет основную задачу данной работы.

Рецензируемая книга состоит из Введения (с. 8—60), в котором рассматриваются проблемы, возникающие при попытке воссоздать историю кыпчакских языков — их значительные расхождения в отдельных подсистемах, недостаточность письменных источников и подчас неоднозначность их кыпчакской атрибуции. Во Введении раскрываются также цель и методика исследования, определяется объект исследования (письменные памятники и фольклорные и диалектологические данные), обосновывается способ подачи языкового материала (сама система трансграфии предшествует Введению — с. 5—7). Введение содержит социолингвистическую характеристику современных кыпчакских языков,

а также краткий очерк этнической истории кыпчаков (с. 49—60). Часть I работы («Фонемика» — с. 61—254), которая ставит своей основной задачей освещение исторического развития консонантизма и вокализма башкирского и татарского языков, включает анализ всех основных звукотипов при учете их многочисленных аллофонов. Часть II («Элементы сравнительной морфемики» — с. 255—257) кратко излагает результаты сопоставления морфологических структур исследуемых языков, которые дают возможность говорить в основном лишь о морфо-фонетических различиях. Заключение (с. 258—272) содержит диахронические выводы, выстроенные в виде относительно-хронологической периодизации языкового состояния урало-поволжского ареала.

Историческое кыпчаковедение, которое до сих пор строилось в основном на данных письменных памятников, не могло решить вопрос о связи этих источников с современными кыпчакскими языками. В этих условиях принципиально важной кажется опора на диалектный материал, и вполне можно согласиться с автором данной работы в том, что «для изучения прошлого новокипчакских языков наиболее надежными продолжают оставаться их собственные источники — в первую очередь — диалектологические» (с. 17). Таким образом, синхронический анализ башкирского и татарского языков, охватывающий огромный диалектологический материал, выступает в работе и как первый этап реконструкции предшествующего состояния — периода распада урало-поволжской кыпчакской подобности. Вместе с тем он дает возможность установить и более далекую ретроспективу этапов расчленения пратюркской языковой общности. Акцент в работе сделан на первой из указанных проблем, хотя несомненно представляют интерес идеи автора о членении пратюркского состояния на этапы на основе их фонологических характеристик и выделении собственно тюркской эпохи с древне-, средне- и новотюркскими периодами. Проявляя научную осторожность, автор более определенно характеризует среднепратюркскую эпоху, отмечая для нее сосуществование глухих и звонких аллофонов в аплауте, становление ламбдаизм-сигматизма и ротацизма-зетапизма как дифференцирующих признаков для отдельных частей праязыковой общности,